

О. В. Метель

«Отвергнутая классика». Советская историография первоначального христианства сквозь призму идейных влияний *

Изучение советской историографии является на сегодняшний день одной из наиболее популярных тем в отечественной исторической науке, что, связано с важностью и значимостью данного сюжета для понимания процессов, протекающих в российской интеллектуальной среде. На смену категорическому отрицанию, столь популярному в 1990-х гг., приходит стремление проследить внутренние механизмы развития историографического процесса, актуализируя его антропологическую составляющую¹. Подобная исследовательская стратегия обладает должным когнитивным потенциалом. Однако, в большинстве случаев, она оставляет «за скобками» историю идей, теряя, таким образом, объект исследования. Можно сказать, что важнее оказывается определение личных контактов, чем выделение интеллектуальных влияний. В данной статье мы отходим от указанной выше модели, стремясь проследить процесс формирования «классического подхода» к изучению первоначального христианства в советской историографии 1920 – 1930-х годов через призму идейных влияний².

Следует отметить, что на сегодняшний день исследование советской историографии сквозь призму идейных влияний, приведших к ее формирова-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-3461.2012.6.

¹ Ср., напр.: *Афанасьев Ю. Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41; *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.) Брянск, 2005; *Свешникова О. С.* Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930 – 1950-х гг. Омск, 2009; *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

² Отталкиваясь от разработок советских исследователей (Н. М. Никольского, С. И. Ковалева, Л. Е. Семенова), мы предлагаем понимать под первоначальным христианством наиболее ранний период в истории данной религии, пройденный ею от зарождения в виде небольшой секты в Палестине и до начала широкого распространения в пределах Римской империи, когда представители римской аристократии, в частности, Плиний Младший, обратили внимание на данное религиозное течение. Иными словами, нас будет интересовать период до возникновения епископальной церкви. Подчеркнем, что «раннее христианство» мы не считаем понятием, идентичным указанному. Под «ранним христианством» мы будем понимать следующий этап в «жизни» христианской религии, связанный с дальнейшим развитием ее догматической и культовой сторон, а также постепенным упрочением ее положения в Римской империи. В результате, хронологические рамки последнего из указанных периодов могут быть обозначены как начало II в. – начало IV в. (рубежные годы: 313 г. и 325 г.).

Метель Ольга Вадимовна, аспирант Омского государственного университета. E-mail: olgametel@yandex.ru
© О. В. Метель, 2012

нию, не является мейнстримом для отечественной исторической науки¹, где господствующей является мысль о непосредственной зависимости выводов советских историков от базовых положений марксизма². Данное утверждение отнюдь не бесспорно, учитывая сложность определения «марксизма/марксизмов», а также творческую переработку доктрин К. Маркса – Ф. Энгельса сначала отечественными социал-демократами, затем – советскими учеными. Не менее проблематичным представляется и устоявшееся суждение о «железном занавесе», разделявшем советскую и западную исторические науки, что делало проникновение интеллектуальных влияний крайне непросто³. Однако при ближайшем рассмотрении «занавес» оказывается не «железным»: отсутствие прямых ссылок на иностранную литературу еще не свидетельствует о её полном незнании.

Приход к власти большевиков означал начало реализации проекта по созданию «новой России», предполагавшего коренное переустройство всех сфер жизни общества. Важнейшими составляющими данного процесса стали: а) реорганизация науки; б) борьба с «религиозными пережитками», без которой построение нового коммунистического общества не представлялось возможным⁴. Общими чертами данных процессов стали неопределенность большевистской политики в 1920-е гг. в отношении указанных аспектов человеческой деятельности, а также внедрение марксизма в качестве метатеории и методологической основы любых научных построений. Мы разделяем мнение А. Дмитриева, высказавшего идею об изначально «пустотном» марксистском каноне, заполняемом весьма разнообразным содержанием⁵. Из базисных принципов, «распознаваемых... как специфически марксистские» в изучаемый период, ученый выделяет следующие: материалистический анализ, видение мира в его системности и диалектически противоречивой динамике, примат экономического начала в понимании общественной эволюции, видение истории «снизу». Иными словами, начинался процесс

¹ Крих С. Б. Анализ одного произведения: Фридрих Энгельс и принципы марксистского историописания // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 24. С. 176–221.

² Применительно к интересующему нас сюжету данный тезис вошел во все имеющиеся в нашем распоряжении работы, изданные в 1990-е – 2000-е годы. См.: Шалева Ю. В. Советская историография истории раннего христианства: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1997. С. 16; Усольцев С. А. Образ Христа в отечественной науке о раннем христианстве. Барнаул, 2005. С. 17.

³ О связях советских исследователей с зарубежными коллегами см.: Мохначева М. П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М., 1996. С. 78–123.

⁴ В данном случае уместно вспомнить суждение Н. А. Бердяева о том, что коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству». См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 129.

⁵ Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А. Н. Шебунина // НЛЮ. 2002. № 54. С. 21.

моделирования советской марксистской доктрины и ее применения к различным историческим проблемам. Причем, наряду с новой советской генерацией исследователей продолжали свои исследования дореволюционные авторы¹.

Применительно к проблеме происхождения христианства данные процессы отличались некоторой спецификой, обусловленной важностью этого сюжета с политической точки зрения. Именно поэтому меняется конфигурация между наукой и пропагандой, когда в области истории христианской религии начинали задавать тон пропагандисты, преследовавшие цель развенчать основы любых религиозных систем. Используемый пропагандистами исторический материал преследовал иллюстративную цель – он призван подтвердить тезис о реакционной сущности религии на любых этапах развития человеческого общества. В результате, авторы с серьезной научной репутацией вынуждены были учитывать выводы пропагандистов при написании своих работ. Хотя в 1920-е гг. грань отделявшая данные категории «творцов» оказалась довольно зыбкой и условной². Ссылки на труды К. Маркса и Ф. Энгельса в сочинениях данного периода практически отсутствуют³, тогда как особой популярностью пользуются выводы немецкого социал-демократа К. Каутского и представителей мифологической школы⁴, что свидетельствует о не оформившемся на данный момент «пантеоне» «классиков».

Слом относительного плюрализма стал заметен в конце 1920-х гг., в связи со сталинской «культурной революцией», обозначившей переход к иной модели развития общества. Получил дальнейшее развитие процесс администрирования научной деятельности, выразившийся в контроле за методологическим инструментарием историка и полученными в ходе исследования выводами. В 1929–1931 гг. на всех участках «исторического фронта» начались крупные дискуссии, призванные определить единственно верный под-

¹ Применительно к истории первоначального христианства стоит указать следующие работы, см.: *Виттер Р. Ю.* Возникновение христианства. М., 1918; *Жебелев С. А.* Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919; *Он же.* Христос-плотник // Христианский восток. 1922. Т. IV. Вып. III. С. 301–314.

² Безусловно пропагандистскими могут быть названы работы Ем. Ярославского, см.: *Ярославский Е. М.* Библия для верующих и неверующих. М., 1934; *Он же.* Как рождаются, живут и умирают боги и богини. М., 1959; П. Ф. Преображенский и В. С. Сергеев пытались сохранить принятые в дореволюционной практике критерии научности, см.: *Преображенский П. Ф.* Тертуллиан и Рим. М., 2004; *Сергеев В.* Кризис античного мира и христианская церковь // Историк-марксист. 1926. № 7. С. 227–236. Тогда как большинство работ носят скорее промежуточный характер, отвечая критериям новой, советской научности. См., напр.: *Рожницын В., Жаков М.* Происхождение священных книг. Л., 1925; *Богораз-Тан В. Г.* Христианство в свете этнографии М., Л., 1928; *Румянцев Н.* Дохристианский Христос. М., 1926; *Боричевский И. А.* Митраизм и христианство. Л., 1929.

³ *Рожницын В. С.* К. Маркс и Ф. Энгельс о раннем христианстве // Антирелигиозник. 1927. № 12. С. 13–18.

⁴ *Каутский К.* Происхождение христианства. М., 1990; *Мутье-Русс Э.* История и география в Евангелиях // Атеист. 1926. № 12. С. 26–37; *Древс А.* Происхождение христианства из гностицизма. М., 1930; и др.

ход к изучению явлений прошлого на базе правильно интерпретированного марксизма, который отныне предстает как «монопарадигма»¹. Механизм данного процесса был изучен А. А. Формозовым: администраторы от науки нового поколения, такие как М. М. Цвибак и Быковский, сформулировали социологические схемы, а ученые, выбранные советской властью для сотрудничества, наполнили предложенные схемы фактологическим содержанием². Созданная марксистская версия истории вошла в школьную и вузовскую программу, после возрождения в 1934 г. данного предмета в системе народного образования.

Выработанная А. А. Формозовым модель вполне применима к интересующему нас материалу. В начале 1930-х гг. в Коммунистической академии, в Институте философии и Институте истории, начались крупные дискуссии, посвященные проблеме возникновения христианства³. Тон данных дискуссий задавали преимущественно ученые нового поколения, определявшие свою задачу как толкование марксизма применительно к конкретному историческому сюжету. Таковы были доклады М. Енишерлова (декабрь 1930 г.), В. Соловьева (ноябрь 1931 г.) и Н. П. Токина (ноябрь 1931 г.)⁴. Их основной задачей являлось «моделирование авторитета», то есть определение единственно верного прочтения трудов классиков марксизма, сочетавшееся с критикой «рenegата» К. Каутского. Одновременно процессы развивались и в печати, где наряду с осуждением К. Каутского, ставился вопрос о продолжении «нашего союза с Древами»⁵. Возвращаясь к дискуссиям, укажем, что их участниками были предложены различные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса с целью придания им статуса «классических». М. Енишерлов опирался преимущественно на «Капитал», дополненный некоторыми работами Ф. Энгельса и Л. Фейербаха о раннем христианстве; Н. В. Токин – на работы Ф. Энгельса о происхождении христианства («Бруно Бауэр и первоначальное христианство»), «К истории первоначального христианства», «Книга Откровения»). Особого внимания заслуживает доклад В. Соловьева, автор которого вовсе ставил вопрос об «исправлении» марксистского учения о происхо-

¹ О данных процессах см.: *Колчинский Э. И.* «Культурная революция» и становление советской науки // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 577–664.

² *Формозов А. А.* ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М., 2006. С. 162–184.

³ Институциональная принадлежность истории первоначального христианства в советской науке весьма любопытна: наряду с традиционным отношением ее в раздел исторического знания, достаточно часто ее разработкой, причем, в историческом ключе, занимались специалисты-философы.

⁴ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105; АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96.; АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 169.

⁵ *Енишерлов М.* О форме и степени нашего дальнейшего союза с Древами // *Антирелигиозник.* 1930. № 8–9. С. 94–105.

ждении христианства, на том основании, что выводы Ф. Энгельса не могут быть приняты советскими авторами без должной их критики.

С точки зрения М. Енишерлова базовыми для данной темы должны быть методологические установки К. Маркса о религии как рефлексе окружающего мира, дополненные рассуждениями Л. Фейербаха о «культе абстрактного человека», а также конкретно-исторические выводы Ф. Энгельса. Христианство представляет собой «культ абстрактного человека», возникший в среде угнетенных слоев Римской империи, где было сильно стремление к религиозному утешению, принявшему форму веры в божество, наделяемое всеми позитивными чертами, которых нет у его создателей. Образ Иисуса – это трансформация образов умирающих и воскресающих богов, широко распространенных на Востоке. Его возникновение не связано с Палестиной, где в начале новой эры широко распространялись иные идеи и представления. Напротив, условия для появления этого образа были созданы в Риме, в среде люмпен-пролетариев. Таким образом, новая религия – не политическое движение, но изменение в надстроечной сфере, вобравшее в себя черты прежних культов и трансформировавшее их исходя из изменившихся экономических условий.

2 ноября 1931 г. В. Соловьев начал свой доклад с критики тезисов Ф. Энгельса, в книге которого «О первоначальном христианстве» «... есть отдельные положения, отдельные фразы, которые вызывают большое недоумение»¹. В частности, это положения о революционности раннего христианства. Ставя под сомнение данные идеи, В. Соловьев предлагает свою версию происхождения христианской религии. По его мнению, период Империи – это время экономического расцвета Римского государства, когда вся сила и могущество были сосредоточены в руках купеческого капитала, чьи интересы выражала императорская власть, а уже с I в. началось формирование феодализма. Однако ко II в., по мере роста мелкой буржуазии и разорения ремесленников, все отчетливее стали проявляться признаки кризиса системы. Христианство – это продукт поражения иудейских восстаний, когда, не имея возможности найти выход из своего бедственного положения на земле, иудеи обратили свои взоры на небо, что не удивительно, учитывая степень распространенности культов божественных искупителей. Окончательно христианская идеология оформляется в начале II в., в евангелиях, возникших как отражение интересов мелкой буржуазии, пролетариата и разочаровавшихся представителей аристократии. Прозвучавший 3 ноября 1931 г. доклад Н. П. Токина должен был стать финальной точкой в «неоправданно» затянувшейся дискуссии, что в связи с выходом в журнале «Пролетарская революция» статьи И. В. Сталина было весь-

¹ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96. Л. 3.

ма опасно¹. В данной статье, посвященной изучению вопросов большевизма, И. В. Сталин не двусмысленно дал понять, что отныне постановка проблем в исторической науке – дело партии, а не профессионального сообщества историков². В отличие от предыдущего докладчика, Н. В. Токин стремился представить «сумму» выводов Ф. Энгельса, прочитанную сквозь призму требований советской исторической науки. Так, в трактовке Н. В. Токина христианство не является для «классика марксизма» революционным течением, оно появилось в иудейской диаспоре как утешение для угнетенных масс, которые понимаются крайне широко.

Однако во всех рассмотренных выше случаях речь идет о социологической схеме, предложенной с опорой на историографические источники. Исключением стал сделанный 31 октября 1931 г. доклад А. Б. Рановича, затрагивавший вопрос об источниках, необходимых для создания «марксистской» истории происхождения христианства³. Основным тезисом А. Б. Рановича стало утверждение о необходимости «самим обратиться к источникам, критически их проверить, отобрать то, что нам нужно, сгруппировать и изучить в соответствии с нашими методологическими и принципиальными установками и лишь тогда делать те или иные конкретные выводы в развитии нашей теоретической линии». Отталкиваясь от утверждения К. Маркса о том, что корни религии надо искать в реальных земных отношениях, А. Б. Ранович предложил следующую классификацию источников. На первое место необходимо поставить данные папирусов и эпиграфику, с помощью которых стоит проверить литературные источники; затем обратиться к новозаветной и апокрифической литературе. Значительную важность представляют материалы апокалиптических и эсхатологических источников, кроме того, необходимо изучить прежние верования, ставшие базой для оформления христианства. Вместе с тем, ни антихристианские сочинения, ни апологетика не представляют интереса для исследователя. Симптоматичны отзывы оппонентов, неоднократно указывавших на слишком большой объем «ненужной» работы: у советских марксистов просто нет времени на кропотливое изуче-

¹ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин В. И. Сочинения: В 16 т. М., 1951. Т. 13. С. 84–102.

² Осадченко Б. А. Формирование исторической концепции «Краткого курса истории ВКП (б)», его влияние на конкретно-исторические исследования. Методология отечественной исторической науки в 1930-е гг. // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 441.

³ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Данный доклад был опубликован: Ранович А. Б. Источники по изучению социальных корней христианства (переработанная стенограмма доклада и заключительного слова в Комакадемии 20–31 октября 1931 г.) // Воинствующий атеизм. М., 1931. № 12. С. 165–181; Он же. О раннем христианстве. М., 1959. С. 41–68.

ние груды источников по истории Римской империи I в.¹ Реагируя на данные замечания, докладчик призвал использовать наработки буржуазных специалистов, подвергнутые соответствующим интерпретациям.

Обращение к источниковедческим сюжетам именно А. Б. Рановича, выпускника классической гимназии и историко-филологического факультета Киевского университета, представляется нам вполне закономерным, так как никто из его оппонентов не имел соответствующего уровня образования. К примеру, Н. П. Токин, получив среднее образование в учительской семинарии в г. Волыни, только в 1926 г. окончил педагогический факультет Саратовского университета по специальности историк-этнолог².

Дальнейшее развитие изучение проблемы происхождения христианства в 1930-е гг. развивалось по похожему сценарию: пропагандисты занимались разработкой социологической схемы, откликаясь на новейшие идейные веяния, к примеру, на высказывания И. В. Сталина о «революции рабов», которая «...ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»³, тогда как «историки» старались представить подтверждающие данную схему факты. Главными представителями первой линии должны быть признаны В. Недельский, Н. В. Токин и Ю. Францов⁴, второй – Н. Румянцев и А. Б. Ранович⁵. К концу 1930-х гг., на волне чисток теперь уже «красных профессоров» и администраторов от науки, которые выполнили свою миссию, утверждается авторитет линии «Ранович-Румянцев», а сам А. Б. Ранович стал «советским классиком», чьи работы устанавливали каноническое прочтение трудов Ф. Энгельса и закладывали основы советской модели изучения первоначального христианства. Основными положениями данной модели стали следующие: христианство возникло в I в. н. э. в Малой Азии в среде рабов и вольноотпущенников, разоренных свободных, как отражение общего кризиса Римской империи, вобрав в себя элементы восточных куль-

¹ Это вполне отвечало общей обстановке: в условиях построения социализма в одной стране, быстрого индустриального рывка, большого скачка наука не могла себе позволить «отстать» и погрязнуть в источниковедческих штудиях, как это делали буржуазные специалисты. Логика развития советской исторической науки требовала выработки универсальной схемы, а не дошного сличения документов.

² АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 317. Л. 26.

³ *Сталин И. В.* Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // *Сталин И. В. Сочинения*: В 16 т. М., 1951. Т. 13. Июль 1930 г. – январь 1934 г. С. 239.

⁴ *Токин Н.* Происхождение христианства. М., 1931; *Недельский В., Францов Ю.* Миф о страдающем боге. М., 1934; *Недельский В.* Революция рабов и происхождение христианства. М., 1936.

⁵ *Румянцев Н.* Происхождение христианства // *Антирелигиозник*. 1937. № 9. С. 28–36; *Ранович А. Б.* Первоначальное христианство и его историческая роль // *ВДИ*. 1939. № 2. С. 31–46; *Он же.* Происхождение христианства (доклад) // *Антирелигиозник*. 1939. № 1. С. 17–25; *Он же.* Ф. Энгельс о раннем христианстве // *Антирелигиозник*. 1940. № 10–11. С. 7–10; *Он же.* Очерк истории раннехристианской церкви. М., 1941.

тов, широко распространившихся в империи в то время, иудаизма, античной философии Сенеки и Филона Александрийского; новозаветная литература не может рассматриваться в качестве основного источника для первохристианской истории; произведения новозаветного канона, за исключением Апокалипсиса, были созданы в конце I – второй половине II в., особенно не заслуживают доверия Евангелия, авторы которых, не зная реальной обстановки в Палестине в описываемое время, допускают множество ошибок; возникнув как религия рабов и вольноотпущенников, христианство постепенно превратилось в государственную религию, религию господствующего класса.

Однако насколько утвердившаяся в советской историографии модель изучения проблемы происхождения христианства соответствует выводам «классиков марксизма»? Впервые данный вопрос был поставлен в А. П. Кажданом в 1970 г. в статье для журнала «Вопросы философии»¹. По мнению советского исследователя, отечественные марксисты допустили ряд серьезных искажений мыслей Ф. Энгельса, что объясняется неверным переводом немецкого оригинала на русский язык². Гораздо более «примиренческими» выглядели последующие работы, где либо никак не артикулируется расхождение взглядов советских исследователей с «основателем», а историографический анализ подменяется пересказом выводов Ф. Энгельса³, либо расхождения представляются в русле эволюции взглядов интересующего нас автора на историю первохристианства⁴. Между тем, пристальное знакомство с работами «классика марксизма» заставляет нас значительно скорректировать общепринятые суждения.

Говоря о заимствованиях, укажем, что советские авторы использовали следующие выводы Ф. Энгельса. Во-первых, сам метод работы, а именно: объяснение происхождения религии «земными» причинами; во-вторых, выводы, касающиеся источниковедческого анализа апокалипсиса, в частности, его датировки, что послужило отправной точкой для построения относительной хронологии новозаветных текстов; в-третьих, конкретно-исторические положения, составившие общую канву советской модели. Речь идет о социально-политических и идеологических причинах происхождения новой религии, о влиянии на формирующееся христианство воззрений Филона и Сенеки, о социальном составе первых общин, точнее, о преобладании в них рабов и вольноотпущенников, о новых элементах, заключенных в христианстве, ко-

¹ Каждан А. П. Ф. Энгельс о происхождении христианства // ВФ. 1970. № 11. С. 92–102.

² Там же. С. 99.

³ Крывелев И. А. Маркс и Энгельс о религии. М., 1964. С. 87–89; Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970. С. 183–189; Митрохин Л. Атеистическое наследие Энгельса // Наука и религия. 1985. № 9. С. 17–21.

⁴ Кошелев Г. А. Фридрих Энгельс и проблемы изучения раннего христианства // ВДИ. 1970. № 4. С. 22–38.

торы и привели его к победе. Наконец, об общей эволюции новой религии от бунтарской религии низов, не имевшей стройной системы вероучения, к религии господствующих классов с утвержденной системой догматов.

Однако помимо сходства наблюдаются и явные различия. В первую очередь, они касаются времени и места происхождения христианства. Так, в «Книге Откровения» Ф. Энгельс указывает на возникновение новой религии в Палестине¹. Однако в «классическую» модель вошла внепалестинская теория возникновения христианства, что отражало общее развитие советской историографии изучаемой проблематики, но стало разрывом с идеями Ф. Энгельса. Главным аргументом в пользу малоазиатской теории стал тот факт, что в Апокалипсисе, который признавался самым ранним христианским текстом, речь идет о семи малоазиатских общинах². Позднее, чувствуя необходимость сослаться на авторитет Ф. Энгельса, отечественные марксисты нашли у него другую цитату из статьи «К истории первоначального христианства»: «Таково было христианство, насколько оно нам известно, созданное в Малой Азии, в его главной резиденции около 68 г.»³. Время возникновения новой религии было отодвинуто в отечественной науке во вторую половину – конец I в., в связи с датировкой Апокалипсиса. Кроме того, советские историки объявили Христа вымышленной личностью, отвергнув, соответственно, всякую его роль в формировании христианской религии. Однако именно за подобные выводы Ф. Энгельс критиковал Б. Бауэра, считая, что тот «хватил через край»⁴. Помимо этого, советские авторы предпочли затушевывать параллели, проводимые Ф. Энгельсом между христианством и социализмом, акцентируя внимание на указываемых классиком марксизма различиях между ними.

Таким образом, при общем сходстве разработок советских авторов с идеями Ф. Энгельса, расхождения между ними были весьма значительны. Следовательно, перед историографом вполне закономерно встает вопрос о причинах подобных несоответствий и иных идейных источниках советских авторов. Причем, если причины расхождений очевидны, объяснением выступает необходимость соответствовать политической конъюнктуре, то идейные источники влияния требуют особого рассмотрения.

Безусловным источником идейных влияний должна быть признана западная историографическая традиция, где с XVII в. началось развитие критического подхода к новозаветной истории. Первым источником заимствования, особенно популярным в среде пропагандистов, стала **французская**

¹ Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. С. 8.

² Ранович А. Б. Очерк истории... С. 67.

³ См. об этом: *Каждан А. П.* Энгельс о происхождении христианства // ВФ. 1970. № 11. С. 99.

⁴ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 474.

историография эпохи Просвещения, популяризация выводов которой началась в 1921 г., после знаменитого тезиса В. И. Ленина о необходимости издания в СССР «боевой атеистической литературы конца XVIII в.»¹. Зависимость выводов советских марксистов от просветителей проявилась в двух основных аспектах: источниковедческом и конкретно-историческом. В первом случае, вслед за философами эпохи Просвещения советские авторы подходили к источникам с позиций рационалистической критики, то есть прочитывая их с точки зрения здравого смысла. Данная особенность напрямую связана со взглядом Просвещения на историю, которая, по сути, лишена идеи развития. История показывает лишь череду предрассудков человеческого разума, а человеческая природа во все эпохи была одинакова. Следовательно, источники лишены любого «местного колорита» и должны быть подвергнуты суровому суду разума с позиции сегодняшнего дня². Евангелия, в данном случае, представляют собой сборники текстов, богатые вымышленными событиями, которые надо проверить с точки зрения истинности. И Вольтер, и П. А. Гольбах, и С. Марешаль находили в данных текстах информацию, противоречащую здравому смыслу. Так, Вольтер указывал, на тот факт, что современные натуралисты прямо опровергают утверждения раввинов о морфологическом строении зайцев, мясо которых якобы непригодно в пищу на том основании, что заяц пережевывает жвачку и его лапы не разделены³. Или же философ вопрошал на каком основании иудеи осмелились распять того, кто был объявлен сыном Божиим во время крещения у реки Иордан при большом скоплении народа⁴.

Сходные источниковедческие приемы демонстрируют как отечественные пропагандисты, так и советские исследователи, «разоблачающие» рассказы евангелистов, которые абсолютно были не знакомы с обстановкой Иудеи I в. Хрестоматийными стали указания на невозможность существования в еврейской стране стада свиней, несоответствие размеров горчичного дерева реальности, ведь горчица – это куст, нелогичность пути Иисуса по Галилее, что «примерно то же, как если бы современный автор, описывая путешествие своего героя из Москвы в Горький, указал бы Киев в качестве одного из промежуточных этапов этого путешествия»⁵.

¹ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. М., 1980. С. 6–7.

² Об особенностях историографии Просвещения см.: Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 291–341; Лотман Ю. М. Арханглы-просветители // Лотман Ю. М. Собрание сочинений: В 2 т. М., 2000. Т. 1. Русская литература и культура просвещения. С. 240; Кассирер Э. Философия Просвещения... С. 204; Косминский Е. В. Историография средних веков. V – середина XIX в. М., 1963. С. 181; и др.

³ Вольтер. История установления христианства // Вольтер. Бог и люди... С. 44.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Крылов Е. А. Что знает история об Иисусе Христе? М., 1969. С. 115–127.

Источником конкретно-исторических построений советской историографии выступили, в первую очередь, работы Вольтера, ядром которых было выделение двух основных этапов развития первоначального христианства: секта в рамках иудаизма и универсальная религия, освобожденная от иудейской догматики¹. Начало первого этапа было инициировано неграмотным иудейским плотником Иисусом, собравшим вокруг себя почитателей из среды нищих иудейских крестьян, а переход ко второму связан с именем Павла или Савла, когда первоначальная религия попала в инокультурную среду, где обогатилась языческими элементами. Так, постепенно религия низов распространялась среди имущих слоев и приобрела при Константине статус государственной. Не меньшее воздействие оказали суждения П. А. Гольбаха, призывавшего за столетие до основателей марксизма искать земные корни религиозных движений и указывавшего на такую важнейшую причину успеха христианства, как дарование утешения страждущим².

Вторым идейным источником советской модели изучения первоначального христианства стала **западноевропейская, преимущественно немецкая, историографическая традиция XIX в.**, критически переосмыслившая идеи просветителей и экзегетов XVII в. Новотюбингенская школа, возглавляемая Ф. К. Бауром, развила центральное положение концепции Вольтера о двух этапах развития христианской религии, представив их в виде противоборства двух течений в раннем христианстве: иудеохристианизма и паулинизма³. Ф. Х. Баур, находясь под влиянием гегелевской философии, представил весь процесс становления христианской религии как борьбу противоположностей, результатом которой является переход явления в новое качество развития. Борьба людей, представленная Вольтером, для новотюбингенцев оказывается борьбой абстрактных идейных течений, чье воплощение в деятельности конкретных исторических фигур вторично. Данное стремление, уходящее корнями в гегельянство, уложить исторический материал в прокрустово ложе философской схемы определяло развитие и советской историографии первоначального христианства, для которой, как это ни парадоксально, источники всегда будут вторичны⁴. Небезынтересно под-

¹ Вольтер. История установления... С. 57–61.

² Гольбах П. Разоблаченное христианство // Гольбах П. Священная зараза, или естественная история суеверия. Разоблаченное христианство. М., 1936. С. 211–341.

³ Baur F. Ch. Kritische Untersuchungen über die kanonischen Evangelien, ihr Verhältniss zu einander, ihren Charakter und Ursprung. Tübingen: L. F. Fues, 1847. Примером заимствования выводов новотюбингенской школы были, например, работы М. М. Кубланова. См.: Кубланов М. М. Новый завет. Поиски и находки. М., 1968. С. 49–94.

⁴ Подобная критика новотюбингенской школы была предложена еще дореволюционными авторами. См., напр.: Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века по XX. СПб.; Тузов, 1903. С. 376–465.

черкнуть, что школе Ф. К. Баура отечественные марксисты были обязаны и источниковедческими наработками. Если в 1920-е – 1950-е годы особенно широкое распространение получили источниковедческие приемы, характерные для просветителей и мифологистов, то с конца 1950-х гг., когда начались корректировки «классической» советской модели изучения первохристианства, наибольшую популярность приобрели выводы немецких протестантских теологов¹.

Наибольшее влияние на советскую историографию оказал и другой представитель немецкой науки середины XIX в. – **Б. Бауэр**. Его работы о происхождении христианства отличались большим радикализмом, чем труды современников. Так, он говорил о происхождении христианства в конце I в. в Риме и Александрии, так как именно там произошло соединение иудейского монотеизма с греко-римскими идеями, в результате чего и оформилось христианство². Б. Бауэр указывал на философскую подготовку христианства в греко-римском мире, намечая линии его соприкосновения с учением Филона и Сенеки. Вместе с тем, немецкий ученый выдвигал и «земные» причины его происхождения: политическое разочарование, возникшее после подавления Римом всякой демократии и проведения им политики нивелирования положения в провинциях³. Как мы видим, сходство с идеями Ф. Энгельса безусловно. В советской историографии изложение материала строилось так, что напрашивался вывод о влиянии Ф. Энгельса на Б. Бауэра. Однако в действительности ситуация была прямо противоположная: Ф. Энгельс воспринял идеи Б. Бауэра и использовал их для создания собственных выводов⁴. Но, как мы говорили выше, Ф. Энгельс подверг критике отдельные положения концепции немецкого ученого, которые, несмотря на это, вошли в «классическую модель». Следовательно, напрашивается столь непопулярный в отечественной науке вывод *о следовании советских авторов «за Б. Бауэром»*⁵.

Б. Бауэр примыкает к так называемой **«мифологической школе»**, выступившей еще одним источником заимствований. Именно мифологистам принадлежала разработка тезиса о зависимости христианства от восточных языческих культов, в частности, Иисус есть лишь умирающий и воскресающий Бог, «очеловеченный» первыми христианами. Впервые подобные мыс-

¹ Напр.: Кубланов М. М. Новый Завет: поиски и находки. М., 1968. С. 49–94.

² Цит. по: Петрова А. Г. Б. Бауэр – историк раннего христианства // Вопросы научного атеизма. М., 1966. Вып. 2. С. 293.

³ Петрова А. Г. Б. Бауэр... С. 292.

⁴ В современной историографии был также сформулирован тезис о влиянии концепции Б. Бауэра на восприятие религии К. Марксом. См.: Rosen Z. Bruno Bauer and Karl Marx. The Influence of Bruno Bauer on Marx's thought. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977.

⁵ Каждан А. П. Энгельс о происхождении христианства // ВФ. 1970. № 11; История древнего мира: в 3-х книгах. М., 1989. Кн. 3: Упадок древних обществ. С. 154.

ли прозвучали уже в конце XVIII в., являясь завершающей фазой просветительского проекта, когда К. Ф. Вольней и Ш. Ф. Дюпюи практически одновременно опубликовали сочинения, рассматривающие первохристианскую историю христианства как отражение годичного цикла движения небесных светил¹. Однако наибольшую популярность идеи мифологистов получили лишь в начале XX в. на волне провала проекта либеральной экзегезы². Целая плеяда историков-непрофессионалов выступила с разоблачительными работами, целью которых было показать ложность всей истории рождения христианской религии. С точки зрения о. А. Меня все многообразие выводов представителей мифологической школы может быть сведено к шести основным тезисам: «1) «Молчание века». Нехристианские авторы I и начала II вв. не упоминают о Христе; 2) «Евангельская мифология» имеет множество параллелей в древних религиях; 3) Образ Христа сложился на основе образа «бога Иисуса», которого почитали древние израильтяне; 4) Поскольку христианство зародилось в диаспоре, все рассказы о жизни Иисуса в Палестине лишены исторической достоверности; 5) Евангелия содержат сообщения о чудесах, в них есть противоречия и ошибки исторического и географического характера, и поэтому они не заслуживают доверия; 6) Составлены Евангелия более чем через сто лет после описанных в них событий, и, значит, их нельзя рассматривать как документы, имеющие историческую ценность»³. Не представляет труда заметить насколько активно использовались данные тезисы в «классической» советской модели изучения первоначального христианства, несмотря на «разрыв с Древсами».

Особо стоит остановиться на вопросе о зависимости выводов советской историографии от разработок К. Каутского. Немецкий социал-демократ был не единственным представителем левых политических сил, занимавшимся изучением (хотя, более уместно было бы говорить о популяризации) первохристианской истории. Помимо К. Маркса и Ф. Энгельса подобную работу осуществил в 70-е гг. XIX в. теоретик анархизма П. Прудон⁴. В СССР однако особой популярностью в 1920-е гг., как было сказано нами ранее, пользовались идеи К. Каутского. Он разделял базовое для науки XIX в. убеждение в существовании двух течений внутри первохристианства, считая данную религию не просто результатом деятельности проповедника Иисуса, но об-

¹ Вольней К. Ф. Указ. соч.; Dupuis Ch. F. Abrégé de l'origine de tous les cultes. 4 ed. P., 1847.

² Провал проекта либеральных экзегетов диагностировал немецкий теолог А. Швейцер, считавшим его важнейшей составляющей поиск исторического Иисуса. Базовым для А. Швейцера стал тезис о том, что Иисус либеральной теологии не имеет ничего общего с реальным проповедником, жившим в Палестине в I в. н.э. См.: Schweitzer A. The Quest of the Historical Jesus: A Critical Study of Its Progress from Reimarus to Wrede. London: A & C. Black, 1910.

³ о. Меня А. Библиологический словарь: В 3 т. М., 2002. С. 213.

⁴ Proudhon P.-J. Jésus et les origines du christianisme. 3 ed. P., 1896.

наруживая ее корни в упадке, Римской империи. Однако оригинальность его концепции заключается в рассмотрении Иисуса в качестве бунтовщика, стремившегося разрушить храм. Причем, революционный характер его проповеди был заглушван последователями. Кроме того, К. Каутский, в духе идей Ф. Энгельса рассматривал порядки раннехристианских общин как коммунистические. Именно данные тезисы были восприняты советскими учеными как «ревизия марксизма», так как прогрессивное учение не могло иметь ничего общего с любыми религиями. Удел последних – уводить от решения насущных проблем, тогда как марксизм дает в руки пролетариата оружие для строительства нового общества. Сказанное не оставляет сомнений в том, что судьба учения К. Каутского в СССР была предрешена.

Анализ идейных источников советской модели изучения первохристианства заставляет нас поставить под сомнение тезис о зависимости разработок советских авторов исключительно от выводов основателей марксизма. Декларируемая приверженность «букве и духу» марксизма оборачивается прямыми противоречиями с идеями Ф. Энгельса и «скрытой» ревизией его учения. Заимствованные же положения на поверку оказывались не столь оригинальными: сам Ф. Энгельс предстает скорее как популяризатор научных достижений своего времени, чем их создатель. Три работы «классика» о первоначальном раннем христианстве представляют собой популярные очерки, синтезирующие выводы предшественников. Причем, Ф. Энгельс и не скрывал данную особенность названных статьей, в «Книге откровения» прямо указывая на источник заимствований¹. В результате, подлинным источником идейных заимствований выступали западноевропейская интеллектуальная традиция, в русле которой формируется линия преемственности: философы французского Просвещения – мифологическая школа. Именно методологические практики и конкретно-исторические выводы данных авторов, дополненные выводами представителей немецкой протестантской критики, стали базовыми для «классической» советской модели первоначального христианства. Данный вывод, в свою очередь, ставит под сомнение оригинальный характер советского марксистского подхода к изучению проблемы происхождения христианства.

¹ Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. С. 7–13.